

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

САВЧЕНКО Иван Антонович

ГОРОД И ОКРУГА У ДРЕВНИХ МАЙЯ I ТЫС. Н.Э.
(ВОСТОЧНЫЕ ОБЛАСТИ МЕЗОАМЕРИКИ)

Исторические науки:
Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2015

Работа выполнена в Отделе теории и методики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук.

Научный руководитель:

Гуляев Валерий Иванович

доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом теории и методики

Официальные оппоненты:

Александренков Эдуард Григорьевич

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института этнологии и антропологии Российской академии наук

Беляев Дмитрий Дмитриевич

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель директора Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования **Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова**

Защита состоится «22» сентября 2015 г. в 12.00 на заседании совета Д002.007.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4-й этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института археологии Российской академии наук по адресу: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Автореферат разослан «__» августа 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
Доктор исторических наук

Е.Г. Дэвлет

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ:

Актуальность исследования.

Последние десятилетия ознаменовались появлением принципиально новых, преимущественно естественнонаучных методов исторических исследований, существенно расширивших возможности майяской археологии в смысле точности датировок, качества картографирования и топографирования поселений, глубины понимания экологического фона, экономических возможностей и особенностей диеты как показателя структуры древнемаяяского социума. Другим характерным явлением стало накопление значительного археологического материала в результате растущего по экспоненте числа исследовательских проектов в области майя. Это заставляет исследователей вновь обращаться к проблеме классического города майя, его истоков, характера, формы, проводить апробацию предложенных ранее моделей и выводов на основе новых данных и новых подходов к их пониманию.

Вместе с тем, проблема древнего майяского города имеет особое значение в рамках дискуссии о критериях подлинного урбанизма и природе городов в ранних государствах. Становление города представляет интерес как один из этапов формирования сложных, надобщинных структур в майяском обществе. В отечественной историографии факт складывания у майя государственных институтов к I тыс. н.э. был обоснован В.И. Гуляевым (Гуляев, 1979) в результате привлечения археологических и этноисторических данных и Д.Д. Беляевым (Беляев, 2001) на основе комплексной разработки материалов археологии и эпиграфики.

В настоящее время в литературе существует несколько принципиальных точек зрения на характер майяского урбанизма. Эти концепции требуют дальнейшей апробации с учетом новых археологических данных последних десятилетий. Причем, для получения всесторонней картины необходима разработка материала, полученного в ходе исследований как крупных городских центров, так и небольших поселений

маяяского региона, проведенная по единой модели (функциональная характеристика монументального центра, его архитектурной эволюции, анализ характера жилой застройки, индикаторов взаимодействия центра и окраин). Также особого внимания этот вопрос требует в связи с вопросом о характере иерархии общинных структур, их развития и материальных критериев у древних майя в условиях формирования ранних государств.

Проблема исследования. В настоящее время в зарубежной науке существует несколько принципиальных точек зрения на характер маяяского урбанизма. Наиболее распространенные из них – «царско-ритуальная» модель» (Sanders, Webster, 1988; Inomata, Houston, 2001) и модель «городского пригорода» (Folan et al, 1983; Chase, Chase, 1998). Эти концепции требуют дальнейшей апробации с учетом новых археологических данных последних десятилетий, в частности исследований на территории таких памятников, как Караколь, Наранхо, Холмуль, Сиваль, Пакбитун, Ишкун, Сакуль, Иштуц, Курукуиц и др. Причем, очевидно, что для получения всесторонней картины необходима разработка материала, полученного в ходе исследований как крупных городских центров (Наранхо, Караколь, Тикаль), так и совсем небольших поселений (Ишкун, Сакуль, Иштуц) маяяского региона, проведенная по единой модели (функциональная характеристика монументального центра, его архитектурной эволюции, анализ характера жилой застройки, индикаторов взаимодействия центра и окраин). Особого внимания этот вопрос требует в связи с вопросом о характере иерархии общинных структур, их развития и материальных критериев у древних майя в условиях формирования ранних государств.

Объектом исследования является внутренняя организация и функции городских поселений маяя I тыс. н.э.

Предметом исследования являются поселения маяя I тыс. н.э., имевшие монументальную архитектуру и окруженные значительным числом небольших земляных платформ (*маундов* – жилых групп).

Цель исследования заключается в характеристике основных функций, признаков и структуры классического города майя и его взаимодействия с сельскохозяйственной округой.

Для достижения этой цели необходимо решить несколько **задач исследования**:

- 1) Провести анализ ключевых типов архитектурных объектов, представляющих собой основные археологические признаки города и его округи, для получения функциональной характеристики комплексов;
- 2) Изучить экономический потенциал городской округи на основе анализа участков, прилегающих к домохозяйствам и определить форму основных систем жизнеобеспечения у майя в I тыс. н.э.;
- 3) Проследить эволюцию общинных структур по археологическим материалам;
- 4) Провести по единой модели анализ становления и эволюции крупнейших поселений майя – монументального центра и прилегающих районов – восточного Петена и Белиза в доклассический и классический периоды.

Источники. Настоящая работа основывается на материалах многолетних раскопок, проводившихся на территории археологических памятников Иш-Коль (1985 – 1999 гг.), Ишкун (1985 – 2005 гг.), Иштуц (1985 – 2008 гг.), Иш-Эк (1990 – 1997 гг.), Курукуиц (1987 – 2000е гг.), Сакуль (1985 – 2006 гг.), Наранхо (1994 – н.в.), Холмуль (1909 – 1913; 2000 – н.в.), Тикаль (1956 – 1990е гг.), Накум (1910е гг.; 1999 – н.в.), Йашха (1980 – 2000е гг.) – *на северо-востоке Гватемалы*; Караколь (1950 – н.в.), Пакбитун (1984 – н.в.), Шунантунич (1991 – 2003 гг.), Блю-Крик (1992 – н.в.), Ламанай (1974 – 1986 гг.), Нохмуль (1982 – 1986 гг.), Пусильха (2001 – н.в.) – *в Белизе*.
Результаты работ гватемальских, белизских, европейских и

североамериканских экспедиций зачастую опубликованы в виде электронных документов, вывешенных на официальных сайтах археологических проектов или поддерживающих их фондов и организаций. Другие отчеты хранятся в архивах Министерства культуры и спорта Гватемалы, Института антропологии и истории Гватемалы, Института археологии Белиза.

Методы исследования обусловлены характером исследования. В работе активно применялись сравнительно-аналитический и количественный методы. Комплексный подход, положенный в основу исследования, подразумевал использование не только *археологических* материалов, чья значимость была обусловлена в поиске именно археологических маркеров и критериев социально-экономических и поселенческих моделей классического города майя, но и эпиграфических и этноисторических данных. *Эпиграфические* источники, использовались, прежде всего для рассмотрения общеисторического контекста того материала, который был получен с помощью археологических исследований. Одновременно *этноисторические* данные (к которым относятся этнографические данные и письменные источники колониального периода) позволяют строить в ретроспективе модели социально-экономической системы майя «археологического» периода с учетом их более поздних форм.

Вплоть до начала 1950-х гг. археологические исследования, проводимые в области майя, совершенно не затрагивали жилую округу городских центров. За редким исключением (исследование О. Рикетсоном в 1920-х гг. 1 км² жилой зоны Вашактуна и раскопки в пяти жилых группах; Wauchore, 1934), работы велись преимущественно в монументальном центре, где находились наиболее впечатляющие сооружения, сулившие сенсационные открытия. Ситуация изменилась с началом Майяпанского проекта Института Карнеги, в ходе которого активному картографированию подверглись жилые районы постклассического города (Pollock, Roys, 1962). Первым исследователем, зафиксировавшим массив жилых групп вне пределов крупных центров, был У. Буллард – в 1960 г. он работал в

восточном Петене и занимался изучением районов, прежде всего, между Наранхо, Йашхой и Накумом (Bullard, 1960). Наконец, в ходе работ Тикальского проекта Пенсильванского университета была разработана окончательная модель исследования жилой застройки города и его округа с помощью просек, дающих представление о численности населения исследуемого региона и фиксирующих границы поселений при снижении плотности населения (Puleston, 1983).

Безусловно, наравне с методом просек существует и метод тотального картографирования местности, однако зачастую детальные планы имеют только монументальный центр и примыкающая к нему незначительная по площади территория. Исключение составляют Тикаль, для которого мы имеем детальную карту 16 км² центральной части и еще 12 км² периферии, то есть менее 30 км² из 120 км², и Караколь, где детально исследовано и нанесено на карту 23 км² из 177 км².

В настоящее время наиболее перспективным для создания топографических планов и карт майяских городов выглядит метод дистанционного сканирования LiDAR, позволяющий создавать трехмерную картинку с помощью лазерного сканирования местности с самолета и принципа отражения света. В последние несколько лет LiDAR работает в районе Караколя и соседних памятников западного Белиза (Chase et al, 2011), что позволило не только создать трехмерную модель значительной части каракольской агломерации, но и обнаружить следы, как минимум, одного неизвестного ранее административно-ритуального центра.

Существенный вклад в методику исследования архитектурных ансамблей майяского города внес типологический подход, разработанный одним из постоянных участников Тикальского проекта М. Бэкером (Becker, 1982). Основываясь на картографировании городской зоны Тикаля, Бэкер выделил несколько типов архитектурных групп разных размеров, организованных вокруг открытых пространств – дворики или площади. В основе типологии, получившей название «вариант площади» (*Plaza Plan*),

лежал характер расположения построек относительно друг друга внутри отдельно взятой группы. Существенно упростив работу с детальными планами и картами памятников, она позволила делать выводы о характере той или иной группы исключительно визуально. Более того, классификация Бэкера, дала возможность археологам с большей степенью уверенности прогнозировать обнаружение погребений и тайников – как, например, в случае с восточными храмами *PP-2* в Тикале.

Как и в других регионах, датировка археологического материала в области майя основывается преимущественно на системе керамических горизонтов. Основной хронологической системой для археологии центральных низменностей майя традиционно считается разработанная в 1955 г. по материалам Вашактунского проекта система Р. Смита (Smith, 1955). Она состоит в выделении четырех типов керамики, каждый из которых имеет четкую археологическую привязку:

<i>КЕРАМИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ</i>	<i>ДАТИРОВКА</i>
МАМОМ (<i>Mamom</i>)	600 – 350 гг. до н.э.
ЧИКАНЕЛЬ (<i>Chikanel</i>)	350 г. до н.э. – 250 г. н.э.
ЦАКОЛЬ (<i>Tzacol</i>)	250 – 550 гг. н.э.
ТЕПЕУ (<i>Tepeu</i>)	550 – 830 гг. н.э.

При этом внутри каждого горизонта может быть несколько фаз (ср. Тепеу-1, Тепеу-2, Тепеу-3), позволяющие работать с более узкими хронологическими рамками. Конец 1990-х гг. был ознаменован ревизией этой системы, что стало настоящей революцией в археологическом понимании периодов поздней доклассики и ранней классики. Ее результатом стало обоснование концепции «протоклассического феномена», авторами которой стали Д. Брейди, Н. Хаммонд, Д. Болл и несколько других исследователей (Brady et al, 1998). Суть его заключается в том, что, по мнению авторов, протоклассическая керамика делится на две категории –

керамика типа Усультан и тетраподы на маленьких ножках; и оранжевые лощеные сосуды и тетраподы с ножками в форме женской груди – и её хронологические рамки значительно шире двух столетий. Авторы уверяют, что первый тип датируется 75 г. до н.э. – 150 г. н.э., в то время как второй используется населением низменностей со 150 по 400 гг. н.э.

Впрочем, система датировки по керамическим горизонтам – далеко не единственная в майяской археологии. Здесь используется также классический стратиграфический метод, позволяющий увязывать горизонты строительства соседних архитектурных групп с установлением монументов, содержащих иероглифические тексты и даты по майяским календарным системам. Широко используется и естественно-научный метод получения дат по C^{14} .

В последние годы в методику исследования древних майя внедряются и другие естественно-научные методы, включая химический анализ почвы для определения интенсивности ее культивации в прошлом и выявлении основных возделываемых на ней культур; изотопный анализ костей для установления особенностей диеты; и др. Использование этих методов уже дало блестящие результаты и позволило существенно продвинуться в понимании многих социально-экономических аспектов жизни классических майя.

Большая часть данных, использовавшихся в диссертации, включая карты памятников, описание обнаруженных погребений и монументов, а также внешнюю критику исследованных архитектурных комплексов, опубликовано в отчетах крупнейших экспедиций, работающих в восточном Петене и Белизе. Благодаря тому, что многие из них выложены в открытый онлайн-доступ, трудности с поиском первоисточников тех или иных данных были сведены к минимуму.

Хронологические рамки исследования в основном совпадают с *классическим периодом* (III-X вв. н.э.) – временем складывания ранних государств на территории майя. Этот период был ознаменован

стремительным социально-экономическим развитием и формированием царских династий в крупнейших городах-государствах региона. При этом для понимания истоков происходивших в классический период процессов наше внимание будет обращено и на *доклассический период*.

Географические рамки исследования охватывают восточные области, так называемых, *низменностей майя* – восток гватемальского департамента Петен и Белиз. Этот выбор обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, заселение Белиза группами майя произошло значительно ранее других районов, в том числе и Петена – не позднее нач. II тыс. до н.э. в прибрежных районах Белиза уже существовали функционирующие круглый год сельскохозяйственные общества. Во-вторых, именно в этом регионе находятся крупнейшие города майя классического периода – Тикаль, площадь которого с прилегающей округой достигала 120 км² при населении до 50 тыс. человек, и Караколь, городская агломерация которого охватывала 177 км², а численность населения составляла до 120 тыс. человек. Наконец, в-третьих, географические рамки исследования обусловлены степенью изученности восточных районов Гватемалы и Белиза. В последние полстолетия здесь были развернуты беспрецедентные по масштабу и комплексности экспедиции в Тикале и Караколе, амбициозный проект *«Археологический атлас Петена»*, занимавшийся изучением небольших административно-ритуальных центров юго-восточного Петена, а также множество других экспедиций, исследовавших как крупные (Наранхо, Пусильха, Ламанай), так и относительно небольшие городские центры.

Научная новизна исследования связана с широким привлечением и обобщением материала, накопленного в последние десятилетия в ходе археологических работ на территории восточных низменностей майя (восточный Петен, Белиз). Она также состоит во введении этого материала в отечественную историографию и апробации предложенных ранее поселенческих моделей с учетом этого материала, а также этноисторических данных касательно иерархии общинных структур, их развития и

материальных критериев. Наконец, методологически новизна исследования заключается в разработке материала, полученного в ходе исследований как крупных городских центров, так и небольших поселений майяского региона, проведенной по единой модели (функциональная характеристика монументального центра, его архитектурной эволюции, анализ характера жилой застройки, индикаторов взаимодействия центра и окраин).

Практическая и научная значимость исследования обусловлена комплексным анализом значительного числа майяских поселений региона восточных низменностей майя, их архитектурной и функциональной эволюции на протяжении двух тысячелетий истории (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) – доклассического и классического периода. Выводы, а также фактура исследования, в значительной степени впервые публикуемая в отечественной историографии, могут быть использованы в научных работах по Мезоамерике и Новому Свету, в целом, и по специфике урбанизма в ранних государствах, в частности. Также они могут быть использованы при составлении учебных пособий по истории Древнего Мира и Нового Света в доколумбову эпоху.

Положения, выносимые на защиту. В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. Анализ ключевых архитектурных типов поселений восточных низменностей майя I тыс. н.э. позволяет говорить об административно-ритуальной и торгово-ремесленной функциях этих поселений, которые предлагается именовать городскими агломерациями.

2. Анализ материала, полученного в ходе изучения приусадебных участков в майяских городских центрах, приводит к выводу о том, что абсолютное большинство населения городов занималось ведением приусадебного хозяйства, создававшего, наряду с ремесленным производством, экономическую основу рассматриваемых поселений.

3. Анализ поселенческой структуры классических майяских городов, дополненный привлечением этноисторических данных по иерархии майяских

общин в колониальный период, позволяет утверждать, что внутренняя структура города по существу является отражением социальной организации классических майя (*большая семья* – жилая группа; *сельская община* – группа домохозяйств, городской район; *суперобщина* – город).

4. Анализ становления и эволюции крупнейших поселений майя восточных низменностей, проведенный по единой модели, обосновывает тезис о том, что превращение протогородских центров в городские не было явлением единовременным и протекало в разных городах майяских низменностей неравномерно. Потому, говоря о генезисе городских структур, кажется разумным искать признаки появления *тенденции*, и к настоящему времени не вполне оправданно заявлять о повсеместном появлении основных элементов городских структур вплоть до первых веков I тыс. н.э.

Личное участие автора в подготовке диссертации состоит в непосредственной работе с первичными (отчеты археологических экспедиций) и вторичными (обобщающие статьи и монографии) материалами по проблематике исследования, значительная часть которых была собрана им в результате командировок в Мексику и Гватемалу, а также в ходе крупнейших европейских конференций майянистов (Краков, Мадрид, Копенгаген, Брюссель, Братислава). Кроме того, широкое привлечение эпиграфических данных в настоящем исследовании стало возможным благодаря авторским навыкам чтения иероглифической письменности майя («классического ч'ольт'и»).

Апробация результатов исследования. Выносимые на защиту результаты и выводы настоящего исследования были опубликованы в научных статьях, тезисах докладов, были апробированы в ходе заседаний Отдела теории и методики Института археологии РАН, а также на российских и международных научных конференциях (I международная конференция «Вопросы эпиграфики», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 30-31 января 2012; Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых Ломоносов-

2012, МГУ, 9-13 апреля 2012; XVIII Сергеевские чтения, исторический факультет МГУ, 4-6 февраля 2013 г.; VII Кнорозовские чтения «Древние цивилизации Старого и Нового Света», РГГУ, 14 февраля 2013 г.; Межвузовская конференция «Восток и Запад: приоритеты эпох», РУДН, 19 апреля 2013 г.; «Путь интеллектуала в науке и творчестве», Литературный институт им. Горького, 21 ноября 2013; Межвузовская конференция «Восток и Запад: приоритеты эпох», РУДН, 16 мая 2014 г.; Всероссийская научная конференция «На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам)», ИА РАН, 21 ноября 2014 г.; XIX Сергеевские чтения, исторический факультет МГУ, 2-4 февраля 2015 г.).

Структура исследования состоит из введения, содержащего обоснование исследования, трех глав основной части, заключения и двух приложений, включающего в себя таблицы и иллюстрации к работе.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность настоящего исследования, дается характеристика историографической разработанности проблемы и основным источниковедческим подходам, очерчиваются хронологические и географические рамки исследования, формулируется цель и задачи работы, а также обосновывается научная новизна подходов и выводов диссертации.

ГЛАВА I. Город у древних майя в дискуссии об урбанизме в древних обществах.

Первая глава исследования посвящена историографическому обзору проблемы урбанизма в древних обществах. Здесь дается характеристика основных этапов дискуссии о раннем городе с момента публикации в 1950 г. знаковой статьи Г. Чайлда «Городская революция» (Childe, 1950), в которой он впервые привел перечень критериев древнего города, и по настоящее время. Отдельно затрагивается вопрос об изучении месопотамского города III тыс. до н.э. в работах как отечественных исследователей (Дьяконов, 1950; Амиров, 2010), так и зарубежных специалистов (Oppenheim, 1969; Hammond, 1972; McAdams, Nissen, 1972; Wilkinson, 1990), считающегося классическим примером раннегородской организации, к тому же типологически наиболее близкой к картине мезоамериканского города. Несмотря на более высокую плотность населения в пределах «внутреннего» города, обусловленную фактом наличия городских стен, концентрирующих население на определенной площади, шумерские и майяские города обладали близкими по характеру структурой и функциями. То же самое можно сказать о процессе генезиса восточного города – работы Р. Мак-Адамса, Т. Уилкинсона, экспедиции ИА РАН на основе изменений поселенческой структуры в Южной и Северной Месопотамии показали археологически, что месопотамский город действительно возникал в результате слияния нескольких сельских общин в рамках единой городской территориальной общины. Аналогичные процессы фиксируются и в области майя.

Значительная часть раздела посвящена разбору основных работ (Sanders, 1971; Coe et al, 1986; Skele, 1988; Cowgill, 1997; Marcus, Flannery, 1996; Ambrose et al, 2003), посвященных урбанизму в Новом Свете и наиболее известным протогородским и городским центрам региона, в частности, памятникам Кахокья (долина Миссисипи), Монте-Альбан (Оахака), Теночтитлан и Теотиуакан (Центральная Мексика). В трех последних случаях мы видим один и тот же набор архитектурных групп, формирующих городскую теменос, и близкую конфигурацию в организации жилого пространства. Специфика Теотиуакана и Теночтитлана, располагавшихся в самом сердце долины Мехико, состоит лишь в значительно превышавшим майяский экономическом ресурсе этих городов.

Наконец, главное место в первой главе занимает обзор дискуссии о характере и функциях крупнейших поселений древних майя классического периода. Несмотря на то, что сам факт существования майяских городов в I тыс. н.э., в конце концов, был признан подавляющим большинством исследователей, вопрос о характере майяского урбанизма по-прежнему вызывает ожесточенные споры в ученой среде. Наибольшее распространение в последние годы получили две принципиально различные концепции: «царско-ритуальная» модель» (Sanders, Webster, 1988; Inomata, Houston, 2001) и концепция «городского пригорода» (Folan et al, 1983; Chase, Chase, 1998). Согласно первой, майяские города играли лишь вспомогательную роль, будучи призваны служить интересам царской власти и имея «придворный характер». Вторая, напротив, признает, что городской пригород, где сосредоточены многие административные и производственные силы, представляет собой вполне автономную единицу.

ГЛАВА II. Общие вопросы города майя I тыс. н.э.

Вторая глава исследования посвящена характеристике основных типов архитектурных комплексов майяского города и его окружи (дворцовых комплексов, триадных храмовых ансамблей, комплексов Е-групп, стадионов

для игры в мяч, ансамблей «пирамид-близнецов», рыночных площадей, жилых групп), а также вопросу археологических маркеров социально-экономического развития майяских городских агломераций.

В параграфе «*Архитектурная конфигурация города*» дается характеристика функциям и принципам взаимодействия основных типов архитектурных ансамблей майяских поселений.

В центральной части майяского города всегда находилась одна или несколько широких площадей, опоясанных гигантскими стилобатами с каменными храмами на вершине и десятками других невысоких платформ-оснований, на которых высились легкие (из глины и тростника) храмовые постройки. В основе храмовой архитектуры древних майя изначально находилась модель «триадности» (Andrews, 1975), выражавшаяся в строительстве, так называемых, триадных ансамблей, судя по всему, представлявших собой символическое воплощение «Места Трёх Первых Камней» (Stanton, Freidel, 2005) – мифологического *первого очага*, выложенного богами в день сотворения мира (McLeod, 1991; McLeod, 1992). Зачастую крупнейший триадный ансамбль города воспринимался его жителями в качестве «первой» или «цветочной горы» *виц* – горы, появившейся из *изначальной воды* после сотворения мира.

Важнейшим типом храмовой архитектуры древних майя, во многом определявшей облик любого классического города майя I тыс. н.э., были заупокойные храмовые ансамбли, связанные с важнейшим для майя культом предков (в том числе – царских). Вместе с тем, если раньше считалось, что основную массу заупокойных храмов составляли отдельно стоящие пирамидальные «зиккураты» со святилищем на вершине, воздвигнутые поверх царских гробниц, то сейчас стало очевидно, что функцию заупокойных храмов могли брать на себя и другие типы комплексов (триадные ансамбли, комплексы Е-групп).

В непосредственной близости от важнейших городских храмов находился царский дворец, который В.И. Гуляев указал в качестве первого и

важнейшего пункта в перечне археологических критериев города в Мезоамерике и на Древнем Востоке (Гуляев, 1979). Обычно возвышавшийся на вершине естественного или искусственного холма-акрополя, дворец одновременно воплощал в себе мощь царской династии и величие города в целом.

Помимо храмов и дворцовых ансамблей в городах обычно были представлены и другие типы комплексов общественного характера, под которыми подразумевается их широкая доступность для большинства жителей города. Среди подобных комплексов выделяются стадионы для ритуальной игры в мяч, являвшей собой важнейший инструмент политики и культа, но от того остававшейся не менее красочным зрелищем; так называемые, Е-группы, представляющие собой древнейший тип архитектурных ансамблей майя, предназначенный для сельскохозяйственных ритуалов и праздников; ансамбли «пирамид-близнецов», связанные с церемониями календарного характера, в первую очередь, окончания двадцатилетий; и другие формы ансамблей.

Ни один крупный город майя, как в классический, так и в постклассический период, не мог обойтись рыночных площадей. Они обеспечивали население предметами первой необходимости, такими как соль и табак, а также сырьем, ремесленными изделиями и даже готовыми продуктами питания – тортильями (кукурузными лепешками), атоле (кукурузной кашей), тамале и т.д. Причем рынки имелись как в центральной части города, так и в пределах его сельскохозяйственной округи (Chase, Chase, 2014).

Основные монументальные ансамбли города зачастую соединялись между собой, так называемыми, дорогами-*сакбе* (майяск. *сак* «белая», *бе* «дорога»). *Сакбе* могли прокладываться внутри *теменоса*, а могли расходиться по направлению к окраинам и за пределы города, упираясь во второстепенные административно-ритуальные комплексы в 3-5 км от городского центра – и, таким образом, связывать город с широкой

сельскохозяйственной округой. Порой же «белые дороги» и вовсе простирались на десятки километров и связывали между собой целые города.

Сразу за условными границами «теменоса» начинались жилые группы – домовладения больших патрилокальных семей, обычно состоявших из трех поколений. Основную массу таких хозяйств в непосредственной близости от центра составляли элитные жилые группы. По мере удаления от центра концентрация элитных домов заметно снижалась и им на смену приходили также объединенные в группы легкие постройки рядовых общинников. Резкое снижение концентрации жилых групп, как элитных, так и всех остальных, маркировало условную границу «*внутреннего города*».

Сложный организм классических поселений состоял из «*внутреннего города*» и сельскохозяйственного пригорода. Снижение регулярности застройки не должно вводить в заблуждение – широкая округа радиусом в несколько километров была еще более многолюдна, чем сам город. Здесь имелись свои административные центры, осуществлявшие управление «на местах»; здесь находились свои храмовые ансамбли; здесь же могли находиться свои рыночные площади.

Таким образом, эпицентр майяских поселений, имеющих монументальную архитектуру и претендующих на роль ранних городов, включал в себя архитектуру политико-административного (царские дворцы) и культового (храмовые ансамбли различного типа и предназначения) характера. Одновременно в большинстве жилых групп фиксируются следы ремесленного производства, а в некоторых – специализированного элитного ремесла. Наконец, на территории поселений установлено наличие рыночных площадей, причем как внутри *теменоса*, так и за его пределами. Это позволяет говорить нам о административно-ритуальной, и торгово-ремесленной функциях классических поселений майя, которые предлагается именовать городскими агломерациями.

В параграфе «*Экономическая база города*» подчеркивается, что в пределах городской округи были сосредоточены и основные экономические

ресурсы агломерации. Благополучие и процветание городского организма обеспечивало сельское хозяйство, основанное, прежде всего, на культивации маиса, фасоли и тыквы. Абсолютное большинство жилых групп, формировавших архитектурный ландшафт городской агломерации, имели приусадебные хозяйства. В зависимости от региона, интенсивные способы земледелия приобретали различные формы, основными из которых были террасное земледелие (Lundell, 1940; Kunen, 2001) и система «приподнятых полей» (Siemens, Puleston, 1972). Кроме того, на приусадебных участках нередко культивировались садовые деревья и растения (Wisdom, 1940; Puleston, 1969). Это вовсе не означает, что приусадебным хозяйством не обладали жители города – археологические данные свидетельствуют об обратном. Вместе с тем, очевидно, что сельскохозяйственная округа с точки зрения имевшихся у нее экономических ресурсов была значительно богаче ядра агломерации. Концепция рыночной экономики, не требовавшей наличия жестких рычагов перераспределения со стороны государства и создающая основу для самообеспечиваемого хозяйства, будто бы снижает социально-экономическую роль города. Однако при всем при этом город и округа в классический период образовывали единый организм, связанный осязаемо (через разветвленную систему *сакбе*) и посредством тысяч невидимых нитей – на политическом, религиозном, социально-экономическом и даже психологическом уровнях – в неразрывный узел (Turner, 1983; Fedick, 1994; Dunning et al, 1997; Chase, Chase, 1998; Kunen, 2001).

В параграфе «*Социальная структура города*» обозначаются археологические критерии различных уровней общинных структур. В своей монографии «Города-государства майя» В.И. Гуляев на основе письменных и археологических источников убедительно показал (Гуляев, 1979), что майяские города постклассического периода, такие как Ицамканак (Эль-Тигре) и Тайясаль, а также другие синхронные города Мезоамерики, в том числе Теночтитлан, по сути, являют собой объединение в рамках единого городского организма нескольких сельских общин, имеющих единого

верховного правителя и общий культовый центр, но сохраняющих при этом прежнюю организационную структуру и известную степень автономии. В свою очередь сельская община есть не что иное, как деревня, состоявшая из нескольких домохозяйств. В каждом из них проживала большая патрилокальная семья, образованная несколькими поколениями.

Считать многочисленные жилые платформы, обнаруженные возле городов майя I тыс. н.э., жилыми домами, состоявшими из нескольких отдельно стоящих построек-комнат, предложил М. Бэкер (Becker, 1982). Он же одним из первых, наряду с Э. Фогтом и У. Хэвилендом Vogt, 1961; Naviland, 1963, высказал предположение, что эти домохозяйства, состоявшие, как и в более поздние и лучше документированные этапы, из 2-5 построек, служили местом обитания большой семьи – основной единицы древнемайяского социума.

При этом жилые группы сложных семей всегда образуют своего рода жилые кластеры, состоящие из нескольких таких групп. Мы имеем дело с ними в крупных городах, таких как Караколь или Тикаль, где их границы менее очевидны. С ними же мы имеем дело в межгородском пространстве Петена и Белиза, вскрытом при помощи разведочных просек. Они в действительности представляют собой минимальную стабильную единицу внесемейной социальной и поселенческой организации майя и соотносятся с тем, что в типологии У. Булларда обозначено как «деревушка» из 5-12 домовладений (Bullard, 1964), а Дж. Эндрюсом названо «малым ритуальным центром» с населением 200-500 человек (Andrews, 1975). Эта поселенческая единица и является, по сути своей, археологическим воплощением сельской общины. Многочисленные данные указывают на то, что с точки зрения сельского хозяйства и ремесленного производства основная часть подобных общин была вполне автономна и самостоятельна при том, что вся сельскохозяйственная округа классических городов майя представляла собой высококонцентрированное скопление подобных деревень. Вместе с тем, аналогичные деревни, пусть подчас и меньшего размера, лежали и за

пределами городских агломераций, создавая общий поселенческий ландшафт области майя. Целый ряд авторов, в их числе Г. Уилли, У. Буллард, Дж. Эндрюс, У. Сандерс, создали сложноградированную типологию майяских поселений от «деревушки» до «города».

«По всей вероятности способ слияния вчерашних сельских общин в рамках единого города («синойкизм») – слияния вольного или невольного – был основным способом возникновения древнемайяских городов», пишет Гуляев, подразумевая, что город в данном случае выступает в роли территориальной общины. Таким образом, поселенческая структура, образованная моделью «деревня – город» в классический период полностью дублирует социальную «сельская община – территориальная община».

Из-за плотной позднеклассической застройки не всегда удается проследить изначальные границы соседских общин. Однако прекрасный пример оконтуренных сельских общин, существующих в рамках общины территориальной, фиксируется на материале классических поселений юго-восточного Петена. В отличие от гигантов вроде Тикаля, где границы ранних деревень, сформировавших город, размыты плотной застройкой позднего периода, в Ишкуне, Сакуле, Иштуце и других крупных поселениях региона (в силу очень невысокой плотности населения даже в позднеклассический период) хорошо фиксируются подобные деревушки. В позднеклассический период в этом периферийном и удаленном от культурного эпицентра регионе начинают происходить качественные изменения, которые, в частности, вылились в появлении поблизости от этих деревень культовых комплексов общественного назначения (Е-групп и стадионов) – религиозных центров общин, строительство которых, несомненно, было санкционировано «центром».

ГЛАВА III. Города восточных низменностей майя

Третья глава посвящена детальному разбору поселенческой и социальной эволюции двух десятков наиболее полно изученных

археологических памятников на территории Белиза и северо-восточной Гватемалы; каждый раздел, посвященный одному из городов, состоит из обзора археологического исследования памятника, характеристики эволюции его монументального центра и жилой округи.

Караколь – крупнейший город майя I тыс. н.э. на территории современного Белиза, а, возможно, и всех майяских низменностей. Первые поселенцы появляются на месте будущего города ок. 600 г. до н.э. Вершины же своего могущества город достигает в позднюю классику, после триумфальных войн в союзе с Калакмулем: в 562 г. против Тикаля (76 км к северо-западу) и в 631 г. против Наранхо (42 км к северо-западу). По подсчетам А. и Д. Чейзов, в это время площадь городской агломерации Караколя достигает 177 км², а суммарное население города и округи превышает 140 тыс. человек. Специфика поселенческой структуры Караколя состоит в том, что мы не наблюдаем снижения плотности населения на отметке ни в 2, ни в 3 км, ни в 5 км от эпицентра. Это не позволяет провести четкую границу между городской частью и сельскохозяйственной округой. Монументальный центр города включает пять акрополей (комплексы Каана и Баррио, Центральный акрополь, Северо-западный акрополь, Южный акрополь), комплекс Е-группы (группа А), два стадиона для игры в мяч, а также множество храмовых и административных комплексов меньшего размера и элитных жилых групп. В Караколе обнаружено 53 резных монумента (25 стел, 23 алтаря и 5 маркеров стадиона для игры в мяч), хронологически охватывающих период с 331 г. по 859 г., а также 4 иероглифических надписи на сводах, 4 настенных надписи в гробницах и несколько штуктовых текстов на зданиях.

Пакбитун – майяский город средней руки, расположенный в департаменте Кайо (Белиз) в 40 км к северо-востоку от Караколя. Пакбитун вырос из небольшой земледельческой деревушки, основанной на рубеже X-IX вв. до н.э., и достиг пика своего развития в период поздней классики (VIII-IX вв. н.э.). Монументальный центр города, вытянувшийся по линии восток-

запад и включающий в себя 41 здание, состоит из комплекса «вашактунской» Е-группы, стадиона для игры в мяч, дворцового комплекса, двух дорог-*сакбе*, а также отдельных храмовых построек и элитных жилых групп. Исследователи Пакбитуна выделяют 3 зоны классического Пакбитуна – *теменос* (0,5 км²), центральная часть (1 км²) и периферия (8 км²). Две первые могут рассматриваться как собственно городская часть, в то время как третья представляет сельскохозяйственную округу. Скульптурный корпус города насчитывает 20 монументов (13 стел и 7 алтарей), 3 из которых имеют следы резьбы.

Иш-Коль относится к группе крупных административно-ритуальных центров бассейна р. Сан-Хуан, Мопан, Сакуль, Сальсипуэдес и Поште. В позднеклассический период, с которым связан расцвет агломерации, общая площадь поселения составляет, по меньшей мере, 25 км². Монументальный центр образован двумя комплексами – группой А (Е-группа) и группа В, состоявшая из нескольких небольших конструкций неизвестного назначения.

Ишкун расположен в верхнем течении р. Мопан. Монументальный центр Ишкуна, вытянувшийся по оси север-юг, включает в себя 3 акрополя, Е-группу и стадион для игры в мяч. Центральные городские ансамбли – Е-группу, стадион и дворец – с южным (группа 3) и северным (группа 50) акрополями соединяет две дороги-*сакбе* длиной 215 и 288 м соответственно. Городской эпицентр занимает площадь не более 10 га, при том, что жилая округа со второстепенными административно-ритуальными центрами, как и в случае Иш-Коля, простирается на 25 км. На территории Ишкуна обнаружено 18 стел, 7 из которых резные.

Иштуц расположен на плато Долорес в 3 км к северо-востоку от р. Поште. Следы активности первых поселенцев в пределах памятника относятся к периоду средней доклассики, однако пик развития Иштуца, как и соседних городских центров, относится к периоду поздней классики. В это время общая площадь городской агломерации должна была составлять 15-20 км² при общей численности населения до 1500 человек. Монументальный

центр образован комплексом Е-группы (группа А), предположительным дворцовым ансамблем (группа В), а также небольшими храмовыми комплексами (группы J и К). Любопытно, что стадион для игры в мяч отсутствовал в *теменосе*, но был зафиксирован на территории второстепенного центра Поште-1, расположенного в 2 км к юго-востоку. На территории Иштуца обнаружено 4 иероглифические и 3 гладкие стелы, а также 1 алтарь.

Иш-Эк расположен на карстовом нагорье на примерно равноудаленном (6 км) расстоянии от р. Мопан и р. Поште. В позднедоклассический период этот район уже был достаточно густо населен, однако пик развития городского образования пришелся на VII-VIII вв. – в это время на площади не менее 25 км² проживало свыше 4 тыс. человек. Монументальный центр был образован комплексом Е-группы, стадионом для игры в мяч и примыкающим к ним с северной стороны *теменоса* элитным группам резиденциального характера. В то же время, на территории памятника не было обнаружено монументов, что указывает на недостаточную степень развития сильных властных институтов в пределах агломерации. Возможно, в течение всего классического периода Иш-Эк оставался подконтрольным правителям одной из соседних политий – Иштонтону, Иштуцу или Курукуицу.

Курукуиц расположен на плато Долорес в 4,5 км северо-восточнее р. Поште. Возникшее еще в среднюю доклассику, поселение достигает своих максимальных размеров в VII-VIII вв. В рамках единой агломерации оно объединяет второстепенные культовые центры Ишкошоль-1, Ишкошоль-2, Ишкошоль-3, Чакиуш и Носкос, его площадь составляет 45 км², а численность населения – порядка 2 тыс. человек. Монументальный центр Курукуица состоит из двух акрополей, комплекса Е-группы, стадиона для игры в мяч и нескольких элитных жилых групп.

Археологический памятник Сакуль находится на правом берегу р. Сакуль в 36 км к югу от Уканалья. Практически весь материал, обнаруженный

на территории памятника, относится к поздней классике – периоду расцвета Сакуля. Исключение составляет только комплекс Эль-Хуталито, который возник в поздний доклассический период. Вероятно, доклассические корни имеет и сам Сакуль – на это указывает триадный характер группы С. В VII-VIII вв. общая площадь государства *Хульахауиль* (майяск. *Julajawil*) составляла порядка 22 км². В Сакуле обнаружено 5 позднеклассических алтарей и 12 стел, 5 из которых содержат иероглифические надписи.

Наранхо – второй по величине город майя классического периода на территории северо-востока Гватемалы. Город, основанный в нач. I тыс. до н.э. выходцами из Белиза, в I тыс. н.э. превратился в столицу одного из наиболее могущественных царств области майя, *Са'уля*, достигшего наивысшего расцвета в VIII в. н.э. Среди городов восточного Петена Наранхо по размерам уступает только Тикалю, расположенному в 45 км к северо-западу. В период наивысшего расцвета (VII-VIII в. н.э.) общая площадь городской агломерации, объединявшей непосредственно город и его сельскохозяйственную округу, достигала 70 км². Монументальный центр включает в себя 6 акрополей, Е-группу, 2 стадиона для игры в мяч и 60 административных и жилых групп – в общей сложности 360 зданий на площади около 2 км². Абсолютное большинство зданий имеют четкую ориентацию по сторонам света – по линии север-юг или запад-восток. В Наранхо обнаружен 101 монумент, в том числе 49 иероглифических стел, 3 алтаря, маркер стадиона для игры в мяч, две иероглифические панели и иероглифическая лестница.

Холмуль – классический город майя на северо-восточной оконечности Гватемалы. Холмуль находится в 45 км к востоку от Тикаля и в 17 км к северу от Наранхо на левом берегу р. Холмуль. Он был ядром обширной городской агломерации, непрерывно функционировавшей с раннего доклассического периода и вплоть до терминальной фазы классического периода. Помимо собственно Холмуля, она включала в себя административно-культовые комплексы Сиваль и Ла-Суфрикайя. Общая

площадь единого урбанистического пространства достигала в позднеклассический период (VII-IX вв.) 107 км², при том, что площадь монументального центра Холмуля составляет около 1 км². На территории теменоса находилось три акрополя, два из которых были превращены в многокомнатные дворцы, стадион для игры в мяч, астрономический комплекс E-группы. Как и в других городах майя, практически все здания ориентированы по сторонам света. В центральной части города обнаружен 31 монумент – 25 гладких стел и 6 не резных алтарей.

Тикаль – крупнейший город майя I тыс. н.э. на территории Гватемалы и второй по величине после Караколя в южных низменностях. Эпицентр Тикаля расположен на покрытой тропическим лесом равнине, к которой с восточной и западной сторон примыкают низины *бахос*, в 2,5 км севернее р. Холмуль. Наиболее ранние следы культовой активности на территории памятника относятся еще к IX в. до н.э., что соответствует наиболее ранней активности в соседнем Накуме, Холмуле и Сивале. Однако период наивысшего расцвета и тотального могущества Тикаля связан с периодом правления двух величайших царей тикальской истории – Хасав-Чан-К’авиля (682 – 734 гг.) и его сына, Йик’ин-Чан-К’авиля (734 – 746 гг.). В это время площадь самого города вырастает до 8 км², а размеры городской агломерации, включающей в себя и город, и сельскохозяйственную округу, и административно-ритуальные центры сельских общин Тикаля, достигали более 120 км². В позднеклассический период на этой территории должно было проживать свыше 50 тыс. человек. Монументальный центр Тикаля имеет «многоядерный» характер. Это означает, что основные монументальные ансамбли, каждый из которых по размерам соотносится с городским эпицентром большинства классических городов майя, находятся на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга. На территории Тикаля находилось три акрополя (Северный, Центральный и Южный), комплексы E-группы (группа «Затерянный мир»), девять ансамблей «пирамид-близнецов», три стадиона для игры в мяч и бесчисленное множество сооружений

сакральных и сугубо утилитарных функций – в общей сложности почти 300 зданий. На территории древнего города было найдено свыше сотни монументов, среди которых 34 иероглифические стелы, 9 резных алтарей и несколько других иероглифических монументов. Самый ранний из них (стела 29) датирован 292 г., самый поздний (стела 11) – 889 г.

Накум расположен на востоке департамента Петен в 11 км к северу от оз. Йашха на северной оконечности *бахо* Ла-Хуста. Ближайшие города – Тикаль на северо-западе Тикаль (32 км) и Наранхо на юго-востоке (28 км). Расцвет городского поселения, основанного еще ок. 1000 г. до н.э., пришелся на IX в. н.э. – его причиной стала активная миграция населения из соседних регионов, вступивших в период коллапса. Площадь теменоса составляет 30 га; он состоит из трех акрополей (Южный акрополь, Северный акрополь, группа Мервина), двух комплексов Е-группы и двух стадионов для игры в мяч. На территории эпицентра обнаружено 15 стел, в том числе 4 иероглифических, и 10 гладких алтарей.

Йашха находится на возвышенности на северном берегу оз. Йашха в восточной части департамента Петен. Первые поселенцы появились в этом районе еще сер. I тыс. до н.э., однако наивысший подъем связан с поздней классикой – VII-IX вв. В этот период площадь церемониального центра, состоящего из четырех акрополей (Восточный акрополь, Южный акрополь, Северо-восточный акрополь, Северный акрополь, группа Малера), двух стадионов для игры в мяч, двух комплексов Е-групп, ансамбля «пирамид-близнецов», а также множества других построек ритуального, административного и жилого свойства (всего свыше 500 зданий), достигает 28 га. В центральной части города обнаружена 41 стела (21 резная); впрочем, из-за особенностей местного известняка, большая часть надписи в силу значительной эрозии не поддается прочтению.

Шунантунич находится на северо-западе Белиза в верхнем течении р. Белиз на искусственно выровненной вершине утеса; ближайшие города – Буэнависта-дель-Кайо (5 км на север), Наранхо (15 км на запад), Пакбитун

(15 км на восток). Шунантунич был основан не позднее IV в. до н.э., но расцвет его пришелся на 670-780 гг. Площадь города составляет ок. 9 га и включает в себя два акрополя, два стадиона для игры в мяч и несколько храмовых комплексов. С помощью двух просек исследовано 4,5 км² жилой округи (при общей площади не менее 10 км²) и обнаружено 614 зданий. В Шунантуниче найдено 9 стел (3 резные), 1 иероглифический алтарь и 2 иероглифические панели.

Памятник Блю-Крик расположен на северо-западе Белиза на левом берегу р. Рио-Асуль среди множества подтопляемых низин *бахо*. Возникновение поселения относится к IX в. до н.э., а период расцвета – к IV-VI вв. н.э. Площадь монументального центра составляет 6 га. Теменос состоит из храмовой Группы А, также включающей стадион для игры в мяч, и дворцовой Группы В. Здесь найдены 1 резная и 1 гладкая стелы. На территории поселения площадью 19 км² обнаружено 525 зданий.

Ламанаи расположен на западном берегу лагуны Нью-Ривер; ближайшие города – Альтун-Ха (40 км на восток) и Куэльо (50 км на север). Первая человеческая активность на территории памятника относится к сер. II тыс. до н.э., при том, что город продолжал существовать вплоть до прибытия испанцев, что делает его поселением-долгожителем, которое непрерывно функционировало в течение 3 тыс. лет. Площадь монументальной части города составляет 30 га. Городской центр состоит из двух групп – северной (дворцовая), включающей в себя три триадных акрополя, и южной (храмовая), состоящей из нескольких площадей, храмовых комплексов и стадиона для игры в мяч. К настоящему времени обследовано 4,5 км² центральной части города, где зафиксировано 718 зданий. Кроме того, в Ламанаи найдены 1 алтарь и 9 стел, предположительно, в древности имевшие иероглифические тексты, но подвергшихся сильнейшему воздействию эрозии (хорошую сохранность имеет только стела 9).

Нохмуль расположен в северном Белизе на известняковом нагорье к востоку от р. Ондо. Основание поселения на месте будущего года относится

к нач. I тыс. до н.э. Период же расцвета пришелся на IX в. н.э., когда общая площадь центральных ансамблей города достигает 11 га. Монументальный центр состоит из двух групп (Восточной и Западной), включающих в себя, в том числе, два акрополя и стадион для игры в мяч. Общая площадь поселения составляла ок. 20 км² – на этой территории обнаружено свыше 900 жилых зданий. Стел и алтарей на территории памятника обнаружено не было.

Пусильха находится на юго-западе Белиза в 1,5 км от границы с Гватемалой между двух берегов р. Пусильха (р. Мачака). Судя по всему, город был основан в VI в. н.э. выходцами из восточного Петена и существовал вплоть до IX в. Площадь эпицентра равняется 12 га. Доминирующее место в нем занимает акрополь Гейтуэй-Хил – дворцовый комплекс Пусильхи; вокруг него располагаются храмовые и элитные жилые ансамбли, а также два стадиона для игры в мяч. В пределах 3 из 6 км² района «внутреннего города» обнаружено 105 жилых групп (500 зданий). Пусильха имеет солидный эпиграфический корпус, состоящий из 23 иероглифических стел, иероглифической лестницы, резного маркера стадиона для игры в мяч и 18 неопознанных фрагментов с текстами.

В заключении подводятся основные итоги диссертационного исследования и формулируются **выводы** настоящей работы.

1. Ядро майяских поселений, имеющих монументальную архитектуру и претендующих на роль ранних городов, представлено архитектурой политико-административного и культового (характера). В большинстве жилых групп таких поселений фиксируются следы ремесленного производства, а в некоторых – специализированного элитного ремесла. Наконец, во многих подобных центрах установлено наличие рыночных площадей, причем как на территории *теменоса*, так и за его пределами. Это позволяет говорить нам о административно-ритуальной, и торгово-ремесленной функциях классических поселений майя, которые предлагается именовать городскими агломерациями.

2. Абсолютное большинство жилых групп, формировавших архитектурный ландшафт городской агломерации, имели приусадебные хозяйства. В зависимости от региона, интенсивные способы земледелия приобретали различные формы, основными из которых были террасное земледелие и система «приподнятых полей». Кроме того, на приусадебных участках нередко культивировались садовые деревья и растения.

3. Внутренняя структура города по существу являет собой отражение социальной организации классических майя. Наименьшей социальной единицей в майяском социуме в I тыс. н.э. была патрилокальная *большая семья*, состоявшая из 15-25 человек и известная по этнографическим данным. Археологически она фиксируется в виде жилой группы, состоящей из 2-5 построек-комнат, сгруппированных вокруг внутреннего двора-патио. «Большая семья» имела общее хозяйство и, видимо, в значительной мере находилась на самообеспечении. Потребность в тех ресурсах, которые она не могла покрыть сама, ей обеспечивала *сельская община*, археологически представленная как группа домохозяйств (жилых групп), имеющих достаточно высокую концентрацию на отдельно взятой территории и тяготеющих к небольшому административно-ритуальному центру. Наконец, на верхней ступени находилась надобщинная структура или *суперобщина*, в настоящем исследовании называемая территориальной общиной. Этот уровень социальной организации у майя представлен городом, имеющим дворцовый ансамбль как место проживания правителя, значительные храмовые комплексы в качестве ключевого регионального культового центра, а также рыночные площади, в отдельных случаях фортификационные системы и т.д.

В то же время речь идет не только о вертикальных, но и о горизонтальных векторах интеграции общинных структур, что наиболее близко основным тезисам концепции «городского пригорода», постулирующего А. и Д. Чейз, У. Фолланом и некоторыми другими авторами. При этом, отдельно следует сказать о том, что выводы настоящего

исследование, могли иметь свои региональные и временные особенности, поэтому не следует безусловно и слепо проецировать их на весь древнемайяский социум.

4. Очевидно, что превращение протогородских центров в городские не было явлением единовременным и протекало в разных городах майяских низменностей неравномерно. Кто-то проходил этот путь быстрее, а кто-то медленнее; кто-то должен был стать первым, а кто-то был вынужден догонять. Говоря о генезисе городских структур, кажется разумным искать признаки появления *тенденции*. К настоящему времени, на мой взгляд, не вполне оправданно заявлять о повсеместном появлении основных элементов городских структур, по крайней мере, вплоть до первых веков I тыс. н.э.

Приложение состоит из сводных таблиц, в которых отражены основные положения третьей главы, а также иллюстраций к тексту – планов и карт основных археологических памятников восточного Петена и Белиза (монументальный центр и жилая округа), реконструкции погребений и архитектурных ансамблей майяского города, а также полевых фотографий.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

*Работы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК для публикации основных результатов
диссертационного исследования*

- 1) Савченко И.А. На стыке миров, циклов и ритуала: стадионы для игры в мяч у древних майя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история», 2013, №3. С.75-76;
- 2) Савченко И.А. К вопросу о поселенческой структуре юго-восточного Петена (Гватемала) // Проблемы истории, филологии и культуры, 2014, №2. С.190-196;
- 3) Савченко И.А. Коба: к вопросу о поселенческой структуре классического города майя // Латинская Америка, 2014, №4. С. 110-120.

*Работы по теме диссертации,
опубликованные в других научных изданиях*

- 4) Савченко И.А. Ранние монументы К'ак'-Тилив-Чан-Чаака: ретроспективные тексты и официальная история у древних майя // Термины, понятия, категории в литературных текстах и документах (под ред. И.А. Гвоздевой, В.С. Модестова, Е.Э. Юрчик). М: Из-во Литературного института, 2012. С.232-240;
- 5) Савченко И.А. Рецензия на монографию Terminal Classic Occupation in the Maya Sites Located in the Area of Triangulo Park, Peten, Guatemala // Российская археология, 2013, №3. С.138-139;
- 6) Савченко И.А. Последний монумент Наранхо: проблема реконструкции династической истории начала IX в. // Вопросы эпиграфики (отв. ред. А.Г. Авдеев). Выпуск VII (1). М: Из-во университета Дмитрия Пожарского, 2013. С. 635-644;
- 7) Савченко И.А. На стыке миров, циклов и ритуала: стадионы для игры в мяч у древних майя // Олимпийские игры в политике и культуре (отв.

ред. С.А. Воронин). М: Российский университет дружбы народов, 2013. С. 311-332.

- 8) Савченко И.А. От архаики к классике: восточные низменности майя (северо-восток Гватемалы) в I тыс. до н.э. (тезисы) // На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам). Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (отв. ред. В.И. Гуляев). М: Институт археологии РАН, 2014. С.60-61.
- 9) Savchenko I. The Last Monument of Naranjo, Peten, Guatemala: A Reconstruction of the Late Dynastic History of the Naranjo Polity // *Mexicon*, 2015. Vol. 37 (2). Pp. 36-39.
- 10) Savchenko I. On the Crossroads of Worlds, Cycles and a Ritual: Ballcourts and E-groups in Ancient Maya History // *Maya Cosmology: Terrestrial and Celestial Landscapes: Papers of the 19th European Maya Conference, 17-22 of November, 2014* (ed. by M. Kovac).